

DOI: 10.30842/ielcp230690152422

Б. С. Каганович, Л. Б. Вольфцун
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКОГО*

Статья освещает некоторые аспекты жизни и творчества выдающегося египтолога и гебраиста И. Г. Франк-Каменецкого (1880–1937), одного из пионеров новых подходов к изучению мифологии, фольклора и литературы. Публикуется автобиография и список печатных работ Франк-Каменецкого.

Ключевые слова: И. Г. Франк-Каменецкий, Н. Я. Марр, Библия, мифология

B. S. Kaganovich, L. B. Wolfzun
(St. Petersburg Institute for History, RAS)

Materials for I. G. Frank-Kamenetsky's biography

The article brings light to some aspects of life and work of a prominent egyptologist and a scholar of Hebrew Israel Grigorievich Frank-Kamenetsky (1880–1937), a Russian pioneer of new approaches to myth, folk, and literature studies. I. G. Frank-Kamenetsky, who studied in Germany, was a disciple of great German historians and orientalists Ed. Meyer, K. Sethe, J. Wellhausen, F. Schuldhess and others. Since early 1920-ies he was hugely influenced by N. Y. Marr's ideas. The paper presents I. G. Frank-Kamenetsky's autobiography and list of his scientific publications, found in archives, an introductory article and comments.

Keywords: I. G. Frank-Kamenetsky, N. Y. Marr, the Bible, mythology.

Имя выдающегося египтолога и гебраиста Израиля Григорьевича Франк-Каменецкого (1880–1937) пользуется в наше время достаточно широкой известностью как одного из пионеров новых подходов к изучению мифологии, фольклора и литературы, сформировавшихся во многом под воздействием идей Н. Я. Марра, сотрудником которого он был с начала 1920-х гг.¹

---

* Статья продолжает цикл исследований, посвященных научному наследию российских историков и филологов XX века; в их числе недавно завершено исследование Б. С. Кагановича «Неопубликованные и забытые работы академика Е. В. Тарле», поддержанного грантом РФФИ №16-01-00102.

¹ В архиве Н. Я. Марра сохранился черновик его отзыва о Франк-Каменецком, написанный в связи с оформлением последнего профессором Ленинградского университета: «Когда речь заходит о кан-

Обычно рядом с ним называют имя О. М. Фрейденберг, хотя в стилистике их работ есть определенные различия. «В основе исторических форм литературы лежат архаические формы мировоззрения», — так, вероятно, в самом общем виде можно формулировать основное кредо этой школы (Полякова 1997: 370). Трудно, однако, считать, что биография и научное наследие И. Г. Франк-Каменецкого изучены сколько-нибудь основательно. Достаточно сказать, что до сих пор отсутствует удовлетворительное новое издание его работ², а некоторые из них до сих пор остаются неопубликованными³.

Мы полагаем, что и ряд документов официального происхождения, проливающих свет на личность и деятельность ученого, заслуживают публикации.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, в фонде Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (сокращенно ИЯМ), в подборке,нося-

---

дидатуре Израиля Григорьевича Франк-Каменецкого, в памяти встают, в первую очередь, один за другим факты, которые невольно побуждают ставить вопрос не о том, в какой степени она заслуживает внимания, исключительного внимания и безоговорочного утверждения, а о том, почему так поздно выдвигается эта кандидатура в нашей среде, бедной соединением разносторонности с глубиной знаний по специальности, мало у кого имеющейся не только у нас, но и за границей, чуткой восприимчивостью к современным, с таким трудом пробивающимся в академическую среду гуманитариев ударным веяниям жизни, как будто пока безрезультатно стучащим в плотно закрытые двери омертвелых учений, продуманным использованием нового метода проработки, казалось бы, менее всего способного на живую трактовку культурно-исторического материала, библейских текстов <...> Франк-Каменецкий — утраквист, египтолог и яфетидолог, и он имеет все основания считаться высококвалифицированным по каждой из названных областей знания независимо». (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–3). Утраквист (от латинского *iterque – и тот и другой*) здесь: специалист в обеих областях. Сохранилось также пять писем Франк-Каменецкого к Марру 1923–1928 гг. (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 985).

² Сборник (Франк-Каменецкий 2004) никак не может считаться таковым, хотя, конечно, он облегчает знакомство современного читателя с работами, рассеянными в старых малодоступных изданиях.

³ В небольшом личном фонде И. Г. Франк-Каменецкого, переданном в 1955 г. его племянником В. А. Франк-Каменецким в ПФА РАН (Ф. 853) содержатся, согласно описи, в числе прочих, неопубликованные работы «Золотой телец» (статья для сборника в честь В. Ф. Шишмарева), «Die Jungfrau Israels und der Weinberg Gottes. Ein Beitrag zum Studiums der Bildersprache des Alten Testaments», а также материалы различных лекционных курсов.

щей название «Материалы, представленные в Президиум АН на кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты АН», имеется автобиография И. Г. Франк-Каменецкого (ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1937). Д. 22: 4–8). Эта автобиография, написанная незадолго до смерти ученого (он скончался 4 июня 1937 г., попав в дорожную катастрофу), охватывает практически весь его жизненный путь. Написана она очень неформально и содержит интересные сведения о семье, из которой вышел Франк-Каменецкий (автор не делает тайны из своего вполне «буржуазного» происхождения)⁴, о некоторых перипетиях его жизни, о его немецких учителях. Заметим, что немецкая школа, пройденная Франк-Каменецким, была очень основательной: он занимался у таких крупнейших ученых, как историк Эд. Мейер, египтолог К. Зете, библеист Ю. Вельгаузен, семитолог Ф. Шультгес, слушал психолога В. Вундта, философа Г. Зиммеля и др.; эта школа очень чувствуется в его работах, и не случайно их высоко оценил Б. А. Тураев⁵.

К автобиографии приложен список печатных работ И. Г. Франк-Каменецкого (ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1937). Д. 22: 1-3). Мы, однако, сочли нецелесообразным воспроизводить его в том виде, в каком он был представлен автором – с различными лакунами и неточностями, – и даем его с допол-

---

⁴ Можно было бы добавить, что семья Франк-Каменецких дала науке ряд видных ученых в разных областях знания. Из двух его братьев, упоминаемых в автобиографии, Захар Григорьевич Франк-Каменецкий (1874–1951) был известным врачом-окулистом, профессором в Иркутске, где его именем даже названа улица, Альберт Григорьевич Франк-Каменецкий (1875–1935) — профессором химии Иркутского ун-та. Сын последнего, Давид Альбертович Франк-Каменецкий (1910–1970) — крупный физик, участник советского ядерного проекта, его брат Виктор Альбертович Франк-Каменецкий (1915–1993) был профессором кристаллографии Ленинградского ун-та. В наши дни известен биохимик Максим Давидович Франк-Каменецкий (р.1941), живущий ныне в США и часто выступающий в печати по разным вопросам.

⁵ Ср. в письме Б. А. Тураева И. Н. Бороздину от 15 мая 1917 г.: «Вчера свалился как снег на голову сам Франк-Каменецкий. Производит очень симпатичное впечатление <...>. Работа его в высшей степени ценная» (Переписка 2014). И. М. Дьяконов, однако, ошибается, называя Франк-Каменецкого учеником Тураева и Коковцова (Дьяконов 1995: 310, 318, 419, 422), поскольку все его востоковедное образование было получено в Германии (интереснейшие воспоминания И. М. Дьяконова, написанные в преклонном возрасте, вообще содержат немало ошибок памяти).

нениями и уточнениями, включив в него все известные нам публикации работ И. Г. Франк-Каменецкого и оформив в соответствии с современными библиографическими правилами.

АВТОБИОГРАФИЯ

И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКОГО, ст[аршего] спец[алиста] АН

Я, Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий, родился в 1880 г. в г. Вильно в еврейской мещанской семье. Отец, занимаясь торговлей, содержал большую семью (в 9 чел[овек] детей) и мог дать университетское образование пятерым сыновьям. Он умер в 1915 г., оставив матери недвижимое имущество, на доход с которого она жила до своей смерти в 1932 г. Оккупация Вильно и отход его к Литве и затем к Польше разделил нашу семью на две части. Большинство братьев и сестер, давно уже уехавшие из Вильно, остались в Советском Союзе, работая каждый по своей специальности. Из братьев двое, так же как и я, во время империалистической войны служили по мобилизации в царской армии, один в качестве врача, другой – рядовым. Первый, Захар Григорьевич, в настоящее время занимает кафедру глазных болезней в Иркутском университете, другой, Хаим Григорьевич, зубной врач, после переворота перешел на медицинскую работу и до сих пор служит в одном из военных госпиталей Ленинграда. Третий брат, Альберт Григорьевич, освобожденный от военной службы по близорукости, недавно умер, занимая кафедру химии в Иркутском университете. В Ленинграде проживают две моих сестры: Эмма Григорьевна, зубной врач, работает в Стоматологическом Институте и Берта Григорьевна, по мужу Сыркин-Шкловская, вдова врача, служит в одном из учреждений Горздрава.

За рубежом остались 2 сестры и брат. Последний, Давид Григорьевич, во время империалистической войны служил по мобилизации на австрийском фронте в качестве врача, по окончании войны, остался с матерью в Вильно и в настоящее время занимается частной практикой в одном мелком пункте (Мотол) недалеко от Вильно. Старшая сестра Лизавета Григорьевна, по мужу Троцкая, овдовев в 1915 г., жила с матерью до своей смерти в 1931 г. Другая сестра Мария Григорьевна, по мужу Вайник, до сих пор живет с своей семьей в Вильно. После смерти матери сестра эта в течение 2-х с лишним лет переводила мне через Торгсин небольшие суммы (в среднем по 10 руб. в месяц), – вероятно из средств, оставшихся после матери.

Лично я по возрасту являюсь предпоследним в семье и своим воспитанием обязан скорее старшим братьям, чем родителям, которые, однако, никогда, не отказывали мне в средствах на образование. Окончив курс в Виленском реальном училище, я поступил было в 1898 г. в Киевский Политехникум на сельскохозяйственное отделение. Но в апреле следующего года я был арестован по обвинению в организации студенческой забастовки, охватившей тогда почти всю высшую школу. После трехмесячного тюремного заключения (в «Лукьяновке») я был выпущен в Вильно под надзор полиции на 1½ года. Арест лишил меня возможности продолжать образование в России. Отбыв воинскую повинность (в качестве «рядового из вольноопределяющихся»), я уехал в Германию, где в течение семи семестров (1902–1906) учился сперва в Лейпцигском, затем в Берлинском университетах. В эти годы я занимался преимущественно философией, политической экономией и историей древнего мира (у Вундта, Зиммеля, Эд. Мейера и др.). После трехлетнего перерыва, проведенного мной у родителей в Вильне, в течение которого я, между прочим, сдал экзамен по латыни и греческому языку в объеме классической гимназии, я снова уехал в Германию, в Геттинген, где занимался специально семитическими языками (у Вельгайзена, Шультгеса и Зете). Я уже приступил к моей докторской диссертации, когда моего непосредственного руководителя прив[ат]-доц[ента] Шультгеса пригласили ординарным профессором в Кенигсбергский университет. Мне ничего не оставалось, как перевестись вместе с моим профессором в Кенигсберг, где я в 1911 г. сдал выпускные экзамены и, напечатав диссертацию об арабском поэте [Umajja b. Abi ṣ Ṣalt = Умайя ибн Абу-с Сальт], получил степень доктора востоковедения. После этого я в течение 3-х лет оставался в Германии, занимаясь специально египтологией. За это время мной напечатаны 3 работы в [Orientalische Literaturzeitung] и собран обширный материал для монографии по истории культа египетского бога Амона. Работа эта была прервана войной, объявление которой застало меня в Германии на пути из Кенигсберга в Швейцарию. Германские власти направили меня в Швецию. В начале 1915 г. вернулся в Россию и направился к старшему брату в Иркутск, где я был призван по мобилизации и зачислен рядовым в армию. В начале 1916 г. я, оставаясь «нижним чином», переведен был на канцелярскую работу в Экспедицию по закупке скота в Монголии для нужд армии, во главе которой (в экспедиции) стоял известный путешественник

П. К. Козлов. Эта перемена в моей судьбе дала мне возможность оформить к печати мою работу: «Памятники египетской религии», вышедшую под ред. Б. А. Тураева в 2-х частях (Москва, 1917/18). В начале 1918 г. я вышел по демобилизации и осенью того же года приступил к преподаванию в Иркутском университете в качестве доцента по кафедре Истории древнего Востока. Весной 1920 г. я приехал в Ленинград, куда меня, как востоковеда, привлекали музейные и библиотечные сокровища, здесь я вскоре был зачислен научным сотрудником Ак[адемии] Мат[ериальной] Культуры.

В 1921 г. я был избран по конкурсу профессором 1-го МГУ по кафедре Истории древнего Востока и утвержден в должности ГУС'ом. Проработав 3 семестра в Москве, я снова приехал в Ленинград, где впервые познакомился с новыми тогда идеями акад. Н. Я. Марра, давшими новое направление моим научным изысканиям. Вскоре я привлечен был к работе в Яфетическом Институте АН (ныне ИЯМ), ставшем основной базой моей научной работы. В 1924 г. я был формально зачислен научным сотрудником АН по названному Институту. С 1929 г. мне поручено руководство Сектором семантики мифа и фольклора (ныне Кабинет устной литературы), а с 1932 г. я заведую, кроме того, и Семито-хамитским кабинетом ИЯМ. С 1933 г. состою старшим специалистом АН; в декабре 1934 г. Президиум АН присудил мне степень доктора литературоведения. Помимо основной работы я в 1925 г. был зачислен действительным членом ИЛЯЗВ (позднее ИРК, ныне ЛНИЯ) без содержания. В 1929 г. мне поручены были занятия с аспирантами в ИРК, что связано было с оплатой; в том же году я, по моей просьбе, был освобожден от работы в ГАИМК. Параллельно шла моя преподавательская работа в Ленинграде, первоначально в Археологическом Институте, в Географическом Институте и в Институте высших еврейских знаний. В 1926 г. я был привлечен к преподаванию на Ф[акультете] О[бщественных] Н[аук] ЛГУ, в 1927 утвержден был проф[ессором] ЛГУ, а с 1930 г. (по отделению ЛИФЛИ от ЛГУ) состою профессором ЛИФЛИ. Освободившись постепенно от побочных нагрузок, я в последние годы провожу всю мою исследовательскую работу по АН, а преподавание в ЛИФЛИ не выходит за пределы 4–6 часов в шестидневку. При таких условиях я могу в достаточной мере сосредоточиться на исследовательской работе, осуществление которой наиболее благоприятно проходит в ИЯМ, принимая во внимание общее направление работ этого учреждения и науч-

ное общение с видными специалистами по целому ряду областей лингвистики.

К общественной работе я привлечен был впервые в 1929 г. в качестве члена Локального бюро С[екции] Н[аучных] Р[аботников] в ЛГУ; в 1930 (по отделению ЛИФЛИ от ЛГУ) я был членом Локального Бюро в ЛИФЛИ. Позднее я перешел на профсоюзную работу в АН, где один год был председателем Профбюро ИЯМ; в прошлом году я был членом Месткома АН, а в настоящее время состою членом Месткома ИЯМ. В 1929 г. я был делегирован (от Кафедры истории религии ЛГУ) на 2-й съезд безбожников в Москве; в 1930 г. был делегирован на Конференцию научных работников в Ленинграде.

Жена моя, Дора Михайловна, урожденная Фейгенберг – дочь виленского купца, потерявшего свое состояние во время войны и революции. Отец моей жены умер в Вильно в 1928 г., а мать ее умерла там же в 1925 г. Дора Михайловна занимается домашним хозяйством; детей у нас нет.

Здоровье мое, по определению врачей, «соответствует возрасту» (56 лет): имеется возрастной склероз и по временам наблюдается ослабление сердечной деятельности, обычно обостряющееся после гриппа, которым я болею не реже 2-3 раз в год.

Франк-Каменецкий
10.VI. 1936 г.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКОГО

1. Untersuchungen über das Verhältnis der dem Umaiia b. Abi s Salt zugeschriebenen Gedichte zum Qorān. Königsberg i. Pr., 1911. 58 s. (Inaug. Dissertation)
2. Der Papyrus № 3162 des Berliner Museums // Orientalische Literaturzeitung. 1914. Jg.17. № 3. Sp. 98–102; Jg.17. № 4. Sp. 146–154.
3. Beiträge zur Geschichte des Amonkultes und seiner Priesterschaft // Orientalische Literaturzeitung. 1914. Jg.17. № 7. Sp. 289–295/
4. Eine ägyptisch-hebräische-arabische Metapher // Orientalische Literaturzeitung. 1914. Jg.17. № 9. Sp. 394.
5. Памятники египетской религии в Фиванский период. Ч. I–II. М., 1917–1918. 75+90 с. (Культурно-исторические памятники Древнего Востока под ред. Б. А. Тураева. Вып. V–VI).
6. Религия Амона и Ветхий Завет // Сборник трудов Иркутского Гос. Ун-та. Отдел гуманитарных наук. Вып. 1. Иркутск, 1921. С. 114–140.
7. Как научились читать египетские письма. М., 1922. 62 с.
8. Гениальное открытие Шампольона // Новый Восток. 1922. №2. С. 456–493.

9. Рец.: Б. А. Тураев. Египетская литература. М., 1920 //Новый Восток. 1922. №1. С. 408–411.
10. Рец.: И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек. Пг., 1917 // Новый Восток. 1922. №2. С. 412–413.
11. Первый съезд русских египтологов 17–20 августа 1922 г. // Восток. 1923. № 2. С. 126–130.
12. Пророки-чудотворцы. О местном происхождении мифа о Христе. Л.: изд. Сеятель, 1925. 103 с.
13. Вода и огонь в библейской поэзии // Яфетический сборник. Т. III. Л., 1925. С. 127–164.
14. Пережитки анимизма в библейской поэзии // Еврейская мысль. Сб. ст. Л., 1926. С. 42–80.
15. Пророк Иеремия и борьба партий в Иудее // Религия и общество. Сб. ст. Л., 1926. С. 60–82.
16. К «семейной драме» пророка Осии // Сб. ст. в честь С. А. Жебелева. Л., 1926. С. 622–642⁶.
17. Грузинская параллель к древне-египетской повести о двух братьях // Яфетический сборник. Т. IV. Л., 1926. С. 39–71.
18. Über die Wasser-und Baumnatur des Osiris // Archiv für Religionswissenschaft. 1926. Bd. 24. Hft. 3–4. S. 234–243.
19. Ассирия // Большая Советская энциклопедия. Т. III. М., 1926. Стб. 619—628.
20. Библия // Большая Советская энциклопедия. Т. VI. М., 1927. Стб. 200–208.
21. Религиозный синкретизм в Египте в Фиванский период //Записки Коллегии Востоковедов.Т. III. Вып. 1. Л., 1928. С. 1–62
22. Выступление в прениях по докладу С. И. Ковалева «Марксизм и яфетическая теория» // Проблемы марксизма. Л., 1928. С. 288–293.
23. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. Т. III. Л., 1929. С. 70—155.
24. Растительность и земледелие в поэтических образах Библии и в гомеровских сравнениях // Язык и литература. Т. IV. Л., 1929. С. 123—170.
25. Колесница Иеговы. К вопросу о стадильности в яфетической теории //Язык и литература. Т. VI. Л., 1930. С. 63–80.
26. Отголоски представления о матери-земле в Ветхом Завете //Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932. С. 121–136.
27. Иштарь-Исольда в библейской поэзии //Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреватии. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под ред. акад.Н. Я. Марра. Л., 1932. С. 71–89. (Труды Института языка и мышления АН СССР. Т. II).

---

⁶ Машинопись в 4-х экземплярах, хранящихся в Российской Национальной библиотеке, Российской Государственной библиотеке, Библиотеке Российской Академии наук и Библиотеке С.-Петербургского Института истории РАН (последний в составе личной библиотеки С. А. Жебелева).

28. Итоги коллективной работы над сюжетом «Тристан и Исольда» // Там же. С. 261—276.
29. О некоторых пережитках дофлективного строя в древнееврейском языке // Язык и мышление. Т. I. Л., 1933. С. 149—162.
30. Женщина-город в библейской эсхатологии // Сб. ст. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934. С. 535—548.
31. Благодарный мертвец // За марксистское языкознание. Сб. ст. в честь акад. Н. Я. Марра. Тифлис, 1934. С. 193—200 (на грузинском языке)
32. Академик Н. Я. Марр // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1934. №9. С. 653—660 (совм. с В. И. Абаевым).
33. Разлука как метафора смерти в мифе и в поэзии // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1935. № 2. С. 153—176.
34. К вопросу о развитии древнееврейского глагола // Язык и мышление. Т. III—IV. Л., 1935. С. 13—46.
35. К космической семантике камня и металла // Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 573—582.
36. К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Т. I. Л., 1935. С. 93—146.
37. Памяти Н. Я. Марра // Фронт науки и техники. 1935. №1. С. 109—114.
38. В. В. Струве // Известия. 1935. 26 мая. №122. С. 4 (Кандидаты в действительные члены АН СССР)
39. Н. Я. Марр и изучение семитических языков // Язык и мышление. Т. VIII. М.:Л., 1937. С. 171—182.
40. Адам и Пуруша. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии // Памяти академика Н. Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 458—476.
41. Колесница Иеговы: Труды по библейской мифологии. М.: изд. Лабиринт, 2004. 320 с.
42. К генезису легенды о Ромео и Юлии // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. 1994. № 2. С. 158—177; 1995. № 3. С. 167—205; 1996. № 4. С. 178—201.

Источники

- ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1937). Д. 22. Л. 4—8. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 77. Opis 1(1937). Delo. 22. Listy 4—8.
- ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 728. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 800. Opis 1. Delo. 728.
- ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 985. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 800. Opis 3. Delo. 985.
- ПФА РАН. Ф. 853. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 853.

Литература

- Diakonov, I. M. 1995: *Kniga vospominaniy*. Sankt-Peterburg.
 Дьяконов, И. М. 1995: *Книга воспоминаний*. СПб.

- Perepiska Borisa Aleksandrovicha Turaeva i Ilii Nikolaevicha Borozdina.* 2014. In.: *Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya.* Вып. IV. Moskva, 131–171.
Переписка Бориса Александровича Тураева и Ильи Николаевича Бороздина. 2014: В кн.: *Неизвестные страницы отечественного востоковедения.* Вып. IV. М., 131–171.
- Polyakova S. V. 1997: *Iz istorii geneticheskogo metoda: marrovskaya shkola.* In: Polyakova S. V. «Oleynikov i ob Oleynikove» i drugie raboty po russkoj literature. Sankt-Peterburg, 363–378.
Полякова С. В. 1997. *Из истории генетического метода: марровская школа.* В кн.: Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 363–378.
- Frank-Kamenetsky, I. G. 2004: *Kolesnitsa Iegovy. Trudy po biblejskoj mifologii.* Red. G. N. Shelogurova. I. V. Peshkov. Moskva.
Франк-Каменецкий, И. Г. 2004: *Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии.* Ред. Г. Н. Шелогурова, И. В. Пешков. М.